

STUDIA PHILOLOGICA

А. Е. Чернова

ЛИРИКА
НИКОЛАЯ РУБЦОВА
В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ НАРОДНОЙ
ТРАДИЦИИ

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 1751
ББК 83
Ч 49

*Книга издана при поддержке
Перервинской духовной семинарии*

Рецензенты:

докт. филол. наук, профессор МГУ *В. А. Воропаев*;
докт. филол. наук, ст. науч. сотрудник ИМЛИ РАН *Е. А. Самоделова*

Чернова А. Е.

Ч 49 Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 304 с. — (Studia philologica). — *(Вклейка в конце книги)*.

ISBN 978-5-907498-63-1

В монографии рассматриваются особенности русского мира, его духовные основы, неразрывно связанные с православным мировосприятием. Поэзия Николая Рубцова анализируется через призму фольклорного сознания, что позволяет выявить этнопоэтические константы — постоянные поэтические образы, свойственные как русской литературе, так и устному народному творчеству. Для исследования привлекаются также произведения поэтов XIX–XX вв., исторические и лирические песни, духовные стихи, легенды, предания и народные сказки. В приложении представлен обзор современного рубцоведа — конференций, интервью, телепередач.

Монография будет интересна для всех, кто стремится постичь духовные и художественные начала русской литературной традиции, определить национальные особенности того или иного произведения.

УДК 1751
ББК 83

*В оформлении переплета использованы
картины Марины Фазановой «Воробей» и «В горнице»*

ISBN 978-5-907498-63-1

9 785907 498631 >

© Чернова А. Е., 2024
© Издательский Дом ЯСК, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Формулы национального сознания (<i>протоиерей Владимир Чувикин</i>)	7
Поэзия из недр народного духа (<i>В. Ю. Даренский</i>)	9
ВВЕДЕНИЕ	15
1.1. Типология фольклоризма	15
1.2. Понятие «этнопоэтическая константа»	22
1.3. Исследование фольклоризма в лирике Н. Рубцова	36
ГЛАВА 1. ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ОБРАЗА РОДИНЫ В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА	46
1.1. Константы родной земли в фольклоре	52
1.2. Аксиологические константы образа Родины в лирике Н. Рубцова	57
1.2.1. Песни древней старины и новые песни: различие духовных реалий	58
1.2.2. Русская история в стихотворениях Н. Рубцова	74
1.2.3. Святая Русь: национальный пейзаж	98
ГЛАВА 2. ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ОБРАЗА ОСЕНИ В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА	136
2.1. Константы осени в фольклоре	136
2.2. Константы осени в лирике Н. Рубцова	144
2.2.1. Этнопоэтическая константа березы в лирике Н. Рубцова	145
2.2.2. Два типа осени: стихотворения «У сгнившей лесной избушки» и «Осенняя песня» Н. Рубцова	154
2.2.3. Верлен и Рубцов: диалог двух поэтов	163
ГЛАВА 3. ЭТНОПОЭТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА ФОЛЬКЛОРНОЙ ИДЕАЛЬНОСТИ МИРА В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА	171
3.1. Идеальный и реальный мир в русском фольклоре (константа фольклорной идеальности мира)	171
3.2. Идеальный мир в лирике Н. Рубцова	178
3.2.1. Художественные предпосылки идеального мира в лирике Н. Рубцова	178

3.2.2. Иное царство в стихотворении Н. Рубцова «Лесной хуторок»	193
3.2.3. Фольклорная идеальность мира в стихотворении Н. Рубцова «В горнице»	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
ЛИТЕРАТУРА	223

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обзор «рубцовского года»	257
--------------------------------	-----

ФОРМУЛЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

«Тихая моя родина...» — когда-то сказал поэт Николай Рубцов, оглядывая родимые окрестности: ивы и реку, старую деревянную школу и разрушенный храм на холме... В небе пролетали журавли, и он вдруг почувствовал особую, смертную и жгучую, связь с этим краем.

В чем проявляется национальное начало русской литературы? Патриотизм, любовь к Родине, память прошлого — так и могут остаться далекими, абстрактными словами, если не присмотреться конкретнее: а что за этим стоит. Автор монографии, доцент нашей семинарии, размышляет именно на эту тему. Читателей ждет путешествие, маршруты которого пролегают от Древней Руси до современности. Именно благодаря такому широкому охвату становится возможным претворить общие суждения в конкретные формулы национального сознания.

И здесь автор подводит к еще одной важной мысли: о православной основе народного творчества. Тема, еще недостаточно изученная и ошибочно оцененная советскими исследователями, которые усматривали в народных обычаях лишь языческие проявления. Между тем, фольклор и православная вера не только никак не противоречат друг другу, но и представляют явления единой народной души. Только православный народ мог создать былины и духовные стихи, легенды, предания, сказки и песни с таким глубоким христианским содержанием...

Учитывая новейшие открытия отечественных и зарубежных исследователей, А. Чернова разрабатывает особую методологию изучения «внутреннего фольклоризма» авторских произведений. Свое внимание она сосредотачивает не на внешних приемах, изобразительно-выразительных средствах и авторской стилизации, но обращается

к духовно-ценностному уровню текста. Выявленные этнопоэтические константы — постоянные сюжеты и образы поэзии Н. Рубцова — сродни сюжетам и образам устного народного творчества. Рассматривая их, можно судить об особенностях духовных координат народной жизни.

*Протоиерей Владимир Чувикин,
почетный ректор Перервинской духовной семинарии,
настоятель Патриаршего подворья храмов
Никола-Перервинского монастыря в Москве*

ПОЭЗИЯ ИЗ НЕДР НАРОДНОГО ДУХА

Николай Рубцов — тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый.

*Георгий Свиридов.
«Музыка как судьба»*

О Николае Михайловиче Рубцове сейчас пишут много — он стал признанным классиком, вокруг которого уже создается своя научная «индустрия». Стоит отметить, что роль поэтов-классиков в культуре не сводится только непосредственно к воздействию их стихотворений, но она также состоит и в том, что через их тексты происходит самопознание народа. В том числе это происходит и в форме научной рефлексии, создания исследовательской традиции.

Исследование А. Черновой чрезвычайно ценно именно в этом ракурсе. Она одна из первых обратилась к исследованию базового архетипического уровня поэтики Н. Рубцова и первая довела такое исследование до уровня монографии. Это, безусловно, большое научное достижение. Но научное исследование — не самоцель, а одно из важных средств самопознания народа и развития русской культуры. Книга «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции» дает нам очень много в этом отношении.

Автор определила свою цель как исследование «фольклоризма поэзии Н. Рубцова через призму этнопоэтических констант фольклорного сознания». Если перевести эти научные термины на язык культуры, то речь идет о том, чтобы подняться на тот уровень понимания призвания поэта, который уже почти забыт, но все равно остается главным. Поэт — это «вестник», который говорит за всех, высказывая затаенные и часто даже неосознанные мысли, чувства и чаяния всего народа. На уровне архетипа поэт — это *vates*, что на латыни означает «провидец», «вещун». Но для того чтобы понять

поэта на этом уровне, нужно обратиться к той «почве», на которой он вырос, как цветок, соками и силой он питается, хотя бы часто даже и забывая об этом.

Недостаточно быть талантливым или даже гениальным поэтом, чтобы выполнять эту миссию. Много гениальных поэтов почти забыты — это значит, что они не стали *vates*, даже несмотря на свою гениальность. И, наоборот, есть такие, кто особо почитаем именно на уровне массового читателя, а это значит, что миссия *vates* ими исполнена и признана. Н. Рубцов относится именно к таким. В XX в. эту «вакансию» долгое время занимал Есенин и продолжает ее занимать до сих пор. Однако пришло время сказать, что Н. Рубцов уже фактически стал вровень с ним. И об этом говорит не только массовая любовь читателей и множество мероприятий, посвященных ему — и не официозных, но идущих «снизу», по народной инициативе. Это уже следствие. А причина состоит в том, что Н. Рубцову удалось продлить ту особую, трудноуловимую, «потустороннюю» ноту русской классики, к которой глухи люди, оторвавшиеся от народной «почвы» (этот символ А. Григорьева и Ф. Достоевского здесь заменить нечем). И которую так остро чувствуют те, кто не оторвался, в ком живет еще Святая Русь.

Есть особый Божий промысл в том, что Н. Рубцов так и остался человеком невоцерковленным — это было нужно для того, чтобы показать, насколько русский народ за тысячу лет был воспитан Христом и проникся самим духом православия, что даже и в безбожную эпоху сохранял этот дух, несмотря на все свои искушения и тьму духовную. Н. Рубцов прожил жизнь мученическую — и это было мученичество за чистоту русской души.

Именно этим он стал так кровно дорог каждому русскому человеку. Позволю себе привести небольшие цитаты из моего цикла стихотворений о Н. Рубцове, написанного 20 лет назад, в 2003 г. Вот так тогда писалось:

Вологда старинная, город незнакомый —
Нам из Новороссии ехать далеко.
В той далекой Вологде жил поэт любимый;
Жил он грешно, трудно — умирал легко.

Он сказал про главное и благословенное —
Про больной, измученный, но живой народ,
Слово горько-нежное, необыкновенное —
Это не забудется, это не умрет.

Это о том, как этот поэт входит в душу и какой след оставляет в ней. А вот об особенностях стиха Н. Рубцова, в котором:

В нем — без иронии — святая простота
Излечивает сердце, ум и душу.
В простых словах — простая высота,
Их можно бесконечно слушать:

«Меж болотных стволов
красовался восток огнеликий...»
За огонь этих слов
Я его называю — великий.

Автор исследования, безусловно, все это глубоко чувствует, но вместе с тем умеет работать и в строго академическом стиле. Текст А. Черновой отличается высокой научной культурой и исследовательским мастерством. Это образец хорошей филологической и фольклористической монографии. Анализ ключевых фольклорно-поэтических символов Н. Рубцова в этой книге имеет четкий, последовательный и системный характер. Пересказывать содержание книги здесь не имеет смысла, но стоит дать дополнительное разъяснение основных выводов автора и их значения для понимания поэта.

«Ключевая роль этнопоэтических констант состоит в том, что их элементы участвуют в универсализации и типизации художественных образов. Единичное событие из жизни абстрагируется до уровня вечных бытийных вопросов, и поэтические ситуации оказываются близкими каждому человеку. Художественный метод, выражающий высокий уровень типизации, соответствует фольклорному методу сублимирования», — пишет автор исследования. За этими научными формулировками стоит простая, казалось бы, мысль: есть такой способ работы с поэтическими символами, при котором в случайном переживании поэта читатель находит не только что-то свое, но и вечное, вселенское, общечеловеческое. Но как такое возможно? Это возможно потому, что поэт несет в себе «национальный космос» (Г. Д. Гачев), и поэтому каждое его переживание уже изначально является «соборным», общенародным — и нужно только его мастерство, чтобы это выразить и запечатлеть в художественном слове.

Как пишет А. Чернова, ее анализ «констант фольклорного сознания позволил провести параллели между фольклорным мировосприятием и авторским сознанием и тем самым раскрыть “архетипический потенциал” его лирики, рассмотреть обобщенный образ родного края,

а также выявить особенности соотношения идеального и реального миров в русском фольклоре и в поэзии Н. Рубцова». В частности, «константа фольклорной идеальности мира, минуя стадию правдоподобия, преобразует реальность в вымышленное, условное измерение, в котором мечта и действительность слиты воедино. Художественные образы стихотворений обретают духовную глубину, преодолевая границы между внешним миром и миром человеческой души». И благодаря этому «целостность внутреннего и внешнего, небесного и земного образует константу фольклорной идеальности мира в народных произведениях. В лирике Н. Рубцова божественные атрибуты духовных стихов замещаются поэтическими символами (книги, гармонь, огонь в печи), которые также имеют оберегающее и спасительное для человека значение».

Но на самом деле это не так-то просто раскрыть «архетипический потенциал» лирики — для этого нужно и самому исследователю стать хотя бы немного *vates*. Кто этого не может — лучше не браться за такую работу. Автор этой книги — смогла. Один из итоговых ее выводов уже сам по себе поэтичен: «Стихи Николая Рубцова — словно тихая и светлая печаль на грани миров, между сном и явью». А это — свойство любой подлинной поэзии.

Отдельную ценность имеют в книге и дополнительные материалы, показывающие новейшее состояние изучения и осмысления мира поэта. В частности, рассказывается о том, что в 2016 г. творчество Николая Рубцова было представлено на телеканале «Anna-news» циклом передач (ведущая — автор этой книги Анастасия Чернова). Дан обзор самых интересных мнений. Выделим лишь одно из них, которое нам представляется ценным в концептуальном отношении. Лариса Тимашова, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного педагогического университета им. М. А. Шолохова, в своем докладе «Рубцов — продолжатель русской классической традиции» отметила: «Рубцовская образная система в значительной степени отличается от есенинской, для которой характерна яркая метафоричность. Рубцов избегает сложных метафор, язык его предельно прост. В этом смысле поэт ориентируется на Фета и Тютчева. Неслучайно он сам об этом говорил, что хотел бы продолжить своей поэзией — “книгу Тютчева и Фета”». Действительно, Н. Рубцов возвращался к строю классического стиха золотого века русской литературы — и это уже само по себе было творческим подвигом. Однако для самого поэта это было не «подвигом», а таким же естественным, как само дыхание: ведь классический стих — это естественная речь народа, по своему строю близкая песне.

Ценно и высказанное убеждение в том, что «поэт душой лежал к Церкви, и по духу он был православным при отсутствии воцерковленности. Видимо, это ощущение Бога было родовым, внутренним. Такое осознание духовной истины — не всем дается!». Это важнейшее свидетельство того, что русский православный народ выжил под игом безбожников в XX в., не погиб, но дал миру новых подвижников воскресения русского духа.

Чтение книги А. Черновой обогатит читателя познанием не только поэзии Н. Рубцова, но и целых пластов глубинной народной культуры, которые хранятся в фольклорно-поэтических символах, почти уже забытых современным человеком. Это своего рода учебник народной поэтической культуры, русского поэтического космоса, рассмотренного через творчество одного из ярчайших его представителей. Чтение этой книги — это не только расширение научной эрудиции, но и ценное духовное просвещение.

*В. Ю. Даренский,
доктор философских наук,
член Союза писателей России*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение творчества Николая Михайловича Рубцова представляет особый интерес как для литературоведов, критиков, историков литературы, так и для фольклористов, поскольку в его лирике обнаруживает себя не только литературная, но и фольклорная традиция. В нашем исследовании мы рассмотрим особенности фольклоризма поэзии Н. Рубцова через призму этнопоэтических констант фольклорного сознания.

1.1. Типология фольклоризма

Фольклор и литература — близкие друг другу области словесно-поэтического искусства, на протяжении веков они находились в тесной взаимосвязи, и вопросы их отношений раскрывались на примере творчества писателей различных эпох.

Историческое взаимовлияние литературы и фольклора проявляется в том, что многие авторские работы создаются на идейно-художественной основе произведений устного народного творчества: писатели трансформируют мотивы, сюжеты, образы и художественные приемы различных фольклорных жанров, вводят элементы народного языка. На более поздних этапах истории литературы существует немало примеров, когда литературное произведение проникает в устное народное творчество, теряет связь с автором и активно живет в народе, оказывает влияние на дальнейшее развитие фольклора. Небольшие повести превращаются в сказки, стихотворения фольклоризируются и получают популярность на правах народной песни. Таким образом, характер влияния литературы и фольклора является взаимным: творчество конкретных авторов может содержать фольклорные элементы, а произведения литературного происхождения, по утверждению фольклористов, могут считаться «подлинно народными, если

они длительное время жили в народе, в составе его собственных сочинений» [Новикова, Александрова 1978: 6].

Изучение фольклоризма в творчестве того или иного писателя помогает раскрыть художественные особенности его произведений, связанные с национальным своеобразием: «Фольклоризм — специфическое свойство каждой национальной литературы, значимая идейно-эстетическая категория, без учета которой невозможно раскрыть весь глубинный смысл и национальное своеобразие художественного произведения, мастерство писателя» [Абашева 1997: 30].

Существует несколько подходов к исследованию исторического влияния фольклора на литературу. Ученые обращают внимание на различные аспекты в изучении этой проблемы. Так, С. Г. Лазутин в работе «Взаимодействие литературы и фольклора: аспекты и методы изучения» рассмотрел два основных направления в исследовании вопроса взаимосвязей литературы и фольклора в советской науке: литературоведческое и фольклористическое.

Принципы выявления фольклорных элементов в литературном произведении на протяжении времени менялись. С. Г. Лазутин выделяет три этапа в развитии подходов к анализу литературно-фольклорных взаимоотношений в XX в.: 20–30-е, 50–60-е и 70–80-е гг. Каждому периоду, по мнению ученого, свойственны свои методологические особенности.

Так, для 20-х гг. были характерны работы, в которых «просто приводились фольклорные материалы, параллели к различным литературным мотивам и образам, и тем самым наглядно доказывалось, что тот или иной писатель использовал фольклор. Других задач перед собою авторы этих работ не ставили» [Лазутин 1991: 104].

То же самое утверждает и Н. И. Савушкина: «...фольклоризм рассматривался эмпирически, только как присутствие элементов фольклора в литературном произведении. Исследователи видели свою задачу в обнаружении фольклорных цитат, реминисценций, мотивов и образов и определении их источников вне связи с творческим замыслом, идейно-эстетическими позициями автора» [Савушкина 1991: 94].

Поворотным моментом в постановке проблемы взаимоотношения литературы и фольклора можно назвать 15 декабря 1933 г., когда в Москве состоялось совместное совещание писателей и фольклористов и прозвучал знаменитый доклад Ю. М. Соколова «Современное состояние фольклора в СССР и советская фольклористика». В своем докладе Ю. М. Соколов почти отождествил фольклор с литературой, а фольклористику с литературоведением: «Фольклор — одна